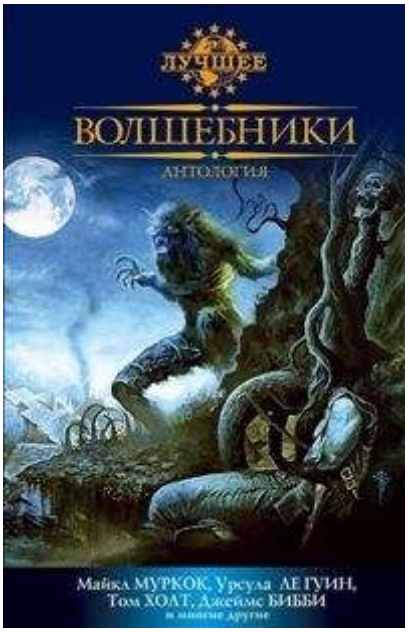

"Лоуренс Шимел - Жертва иллюзий"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Лоуренс Шимел и Майкл Резник

Жертва иллюзий

Я бы мог написать об этих двух авторах такое введение, что оно оказалось бы длиннее самого рассказа, поэтому мне лучше придержать энтузиазм. Лоуренс Шимел (родился в 1971 году) — плодовитый автор коротких и ярких произведений в жанре фэнтези, часть из которых можно найти в его сборнике «Ленивая королева Страны эльфов» (1997 г.). Среди его многочисленных антологий известны такие, как «Удачливый кассир», включающая в себя также рассказы Мартина Х. Гринберга, и полюбившаяся читателям книга «Вещи-невидимки», которая буквально завораживает своим реализмом. Кроме того, Шимел вносит вклад в испанскую литературу, сочиняя главным образом книжки для детей.

Майкл Резник (родился в 1942 году) выпустил невероятное количество книг и отдельных рассказов. Наиболее известной и удостоенной множества наград является серия его рассказов об африканских туземцах, заселивших планету Кириньяга и возродивших там некогда существовавшую на Земле культуру. Истории об этих племенах вошли в сборник «Кириньяга» (1998 г.). Резник четырежды завоевывал премию «Хьюго», «Небьюла» и другие главные и второстепенные награды в США, а также во Франции, Японии, Польше, Хорватии и Испании. Его произведения переведены на двадцать два языка.

Соединенный талант столь разных авторов произвел на свет этот маленький мудрый рассказ — размышление о природе реальности.

Как только все собрались в Большом зале, Эдвард с выжидающей улыбкой поднял взгляд к потолку. Мгновение спустя внутри зала разразился град из жаб.

Гости завизжали. Тогда Эдвард взмахнул рукой, и ковер вдруг сам собой превратился в тысячу пастей. Каждая из них начала с жадностью заглатывать по одной и даже сразу по нескольку жаб. Но после того как все жабы наконец были съедены, пасти уже не могли остановиться в своей ненасытности и принялись грызть мебель.

Еще один взмах руки — и мебель превратилась в чистейшее золото. Раздался треск зубов, напоровшихся на металл, и пасти отпрянули назад. Мебель же, расправив крылья, теперь парила в воздухе в нескольких дюймах от ковра, подзадоривая его вновь испытать свою силу. Пасти исчезли, мебель мягко приземлилась, и ее золотые лапы чудесным образом снова стали деревянными, стоило Эдварду усмехнуться и отвесить низкий поклон аплодирующей публике.

Вивиан вздохнула. Она предпочла бы сейчас находиться где угодно, только не в этом зале; однако женщина и виду не подала, что ей скучно, и засмеялась вместе с остальными приглашенными членами Тринадцати Семейств. Она пыталась найти в памяти тот день, когда магия из-за отношений с Эдвардом утратила для нее свой блеск. Было время, когда каждый его трюк восхищал Вивиан просто потому, что это был его трюк. Теперь же, когда они близки, Вивиан бормочет слова заклинания, выдавая их за стоны самозабвенного восторга — только бы не видеть его лица, упрятать его под обликом другого человека, любого другого человека… не важно кого.

На каком-то отрезке их жизненного пути все разладилось.

Теперь, когда колдовские штучки Эдварда уже не забавляли Вивиан, ее сердце, которое она когда-то ощущала величавым императорским парусником, превратилось в обломок кораблекрушения — просмоленное бревно, опутанное шелковым парусом, словно заклинания,

державшие его на реях, больше не действовали. Казалось, Эдвард еще раз направил это судно, и так со свистом несущееся к земле, носом в грязь. И все заляпанные ею жители Константинополя взирали теперь на Вивиан — на то, как померкло под влиянием настроения ее яркое, блистательное великолепие. Взирали как на солнце, заслоненное облаком пыли или вовсе переставшее светить.

Из-за спинки кресла Эдварда выполз питон с замысловато раскрашенной шкурой. Эдвард как можно шире — так, чтобы могло пролезть толстое тело змеи, — раскрыл рот и быстро проглотил ее. Собравшиеся в зале сливки общества в очередной раз покатились со смеху, подобно легкомысленным школьницам, надрывающим животики над пикантной сплетней. Вивиан так устала от всего этого, а от Эдварда — в особенности. Чего-то ему недоставало — именно того, что ей отчаянно хотелось в нем видеть, хотя она и сама толком не понимала, чего же именно. Она уже не в первый раз спрашивала себя, что за человек скрывается за его фокусами и чарами. Если она когда-то случайно и видела истинного Эдварда — даже временами от нечего делать наделяя его лицами других мужчин, — то видела перед собой человека, который прикрывался маской юноши с мужественной внешностью. Вивиан и сама следила за собой, защищаясь чарами и магией от превратностей старения, и она догадывалась, что настоящий Эдвард был всего лишь пустышкой. Не более чем продуктом искусного всесильного колдовства.

Хотя он был молод, а не просто казался молодым, он являлся, несомненно, самым могущественным в городе магом — и, значит, самым влиятельным членом Тринадцати Семейств. Они считались наиболее сильными в Константинополе колдунами, способными подкрепить свой статус быстрым крепким кулаком (хотя всегда издалека и только посредством магии; собственных рук они никогда не пачкали). Вивиан ужасно повезло, что ей удалось привлечь к себе его внимание, и даже больше, чем просто внимание, ведь недаром их связь оказалась такой продолжительной. Хотя, узнав Эдварда так близко, как теперь, Вивиан обнаружила, что задача эта была проще некуда. При всем своем магическом величии, в повседневной жизни Эдвард хитростью не отличался; его легко было сбить с толку и сделать орудием в руках изобретательной Вивиан. Ей приходилось долгими часами защищать Эдварда, скрывая его наивность от тех, кто его эксплуатировал и всячески маскируя свою главенствующую роль в семье. Эта забота всегда лежала на плечах Вивиан.

Но даже эта привилегия со своим возбуждающим эффектом давно для нее поблекла и стала чем-то вроде домашней рутины, — подумаешь, оберегать трон Эдварда от всевозможных недругов, тайных и явных…

Внезапно кресло Вивиан провалилось сквозь пол. Дыра в нем разверзлась мгновенно — так вырываются со дна бутылки пузырьки шампанского, чтобы с хлопком вышибить пробку. Вивиан лениво подумала, стоит ли ей напрячься в поисках заклинаний, которые спасут ее жизнь и не дадут разбиться насмерть при падении с высоты этого замка. Но она верила, что Эдвард уделит ей минутку и спасет (если, конечно, не отвлечется на какую-нибудь очередную шалость).

Вивиан воспользовалась моментом, чтобы насладиться передышкой от общества своих собратьев, членов Тринадцати Семейств, которых она всегда считала довольно скучными и едва ли забавными. Болтаясь в подвешенном состоянии, она глядела на раскинувшийся внизу город.

Справа возвышалось Великое собрание — сердце Константинополя — и врата, через которые проходят все посетители. Над его куполом земным солнцем сиял золотой глобус. Чуть левее громоздился Кафедральный собор — творение человеческих рук, столь же величественное в

своем лишенном магии каменном могуществе. Два этих сооружения соперничали между собой, взметнувшись по обе стороны дороги, которая тянулась между ними — Великим собранием и Кафедральным собором. И все же они казались Вивиан ничтожными, иллюзорными продуктами фантазии…

Ее мысли прервал Эдвард, обняв ее сзади из-за кресла.

— Неужели ты ничуть не обеспокоилась? — спросил он, пряча лицо в ее черных локонах и продвигаясь пальцами от живота к груди. — Ты выглядела там, наверху, так восхитительно, что я не мог удержаться, чтобы не выкрасть тебя оттуда. Давай займемся любовью в воздухе, — прошептал он ей на ухо.

— У всех на виду? Как какой-нибудь простой моряк и его шлюха?

— Мы невидимы, — сказал он, комкая кружева на ее платье, и Вивиан знала, что даже их он только что сделал.

— Пожалуйста, Эдвард… понимаешь, не то чтобы я не верила, что твои заклинания удержат нас в воздухе, но я действительно предпочитаю удобства. Мне больше нравится, когда под ногами твердая земля, и кровать, и…

У Вивиан был в запасе длинный перечень предпочтений. Она надеялась, что сможет таким образом отделаться от Эдварда, но внезапно они очутились в его земном дворце. Игнорируя свои колдовские способности, Эдвард выстроил дом из природных материалов, и при этом он оказался столь же совершенным и роскошным, как и воздушные замки — предел мечтаний таких же, как сам Эдвард, владык. Если уж Вивиан суждено испытывать неудобство от близости с мужем, пускай это происходит среди земных благ, к которым она привыкла за время супружества.

Эдвард поднял ее на руки, уложил на толстое пуховое одеяло, покрывавшее их двуспальную кровать, и навалился сверху. В голове Вивиан невольно всплыли слова заклинаний, которые обычно меняли внешность Эдварда. Едва она их произнесла, ее скрещенные особым образом пальцы вонзились ему в спину. Эдвард же, решив, что Вивиан таким образом подгоняет его, со всем пылом предался страсти. Он больше не утруждал себя ни объятиями, ни возней с одеждой Вивиан — просто воспользовался своим новейшим хитроумным изобретением, в мгновение ока избавившись от всех этих тряпок, и она оказалась догола раздетой. К счастью, через несколько минут все было кончено, и Эдвард сразу уснул.

Когда он захрапел, Вивиан высвободилась из его рук и соскользнула с кровати. Она зашла в ванную и заперла за собой дверь, хотя знала, что такая мера предосторожности для Эдварда ничего не значила — как практически и для любого жителя Константинополя, если уж на то пошло. В этом городе волшебников умение открыть с помощью заклинаний замок считалось само собой разумеющимся искусством, даже дети обучались ему раньше, чем переставали мочиться в штанишки. И все же Вивиан заставляла себя это делать — своего рода эмоциональный сигнал, означавший, что она защищена от Эдварда и от всех остальных. Перед тем как ступить в бассейн под струю горячей воды и соскрести намыленной губкой со своей кожи запах мужа, она постояла, разглядывая себя в зеркальной стене и стараясь стряхнуть с тела магию иллюзий. Прошло немало времени, прежде чем она вновь почувствовала себя чистой.

Вивиан насухо растерлась полотенцем, хотя вполне могла таким способом лишиться колдовского дара. Не сказать, чтобы она пренебрегала магией и связанными с ней

преимуществами, — жизнь Вивиан, как и прочих обитателей Константинополя, была насквозь пропитана магией. Она практиковала ее изо дня в день, она сыпала заклинаниями направо и налево, едва успевая о них подумать. Но именно поэтому Вивиан предпочитала вытираться и выполнять вручную еще сотню других упражнений: она не хотела быть настолько зависимой от колдовства, чтобы утратить в нем свое «я». Эта мысль не давала Вивиан покоя и помогала сознательно не применять магию там, где без нее можно было обойтись. Именно этой тревожностью ума и вниманием к второстепенным жизненным вопросам она и привлекла в свое время Эдварда и поддерживала его страстную влюбленность все эти годы.

Вглядываясь в свое отражение в зеркале, Вивиан невольно спрашивала себя: а стоило ли все это ее усилий? Не сознательное отношение к жизни, от которого она не отказалась бы даже ради могущества Эдварда, а сам Эдвард? По правде говоря, пока она жила в Константинополе, его присутствие обеспечивало ей доступ в общество и привилегии, которых иным способом она не смогла бы добиться. Но, пройдя весь путь к этой вершине, до самых воздушных замков, парящих в небе над башнями Константинополя, Вивиан обнаружила, что ей стало скучно.

Жизнь была слишком спокойной.

Возможно, как раз это и не нравилось ей в Эдварде. По его вине в жизни Вивиан больше не было духа соревнования, теперь она не стремилась решать какие-либо серьезные задачи. Эдвард был способен силой магии дать ей все, чего бы она ни пожелала. Что он и делал, поскольку все эти манипуляции не составляли для него труда. В жизни Вивиан не осталось никаких стимулов, и чувство безысходности вело ее к безумию. И хотя ничто не мешало ей беспрепятственно разгуливать по Константинополю, она каждый миг чувствовала себя в плену.

Она глядела на себя в зеркало и видела, как быстро стареет, несмотря на тщательный уход за телом. Волосы, которые прежде были цвета воронова крыла, теперь сильно поседели под маской колдовства… Сколько можно так жить? Вивиан казалось, что она умрет, задушенная скукой этой жизни и иллюзиями. Она почти представила себе, как была бы довольна, живя вдали от города, став женой какого-нибудь фермера; как они сообща, в вечной борьбе с природой, добывали бы средства к существованию для себя и всей семьи. Вивиан, конечно, понимала, что рассуждает с позиции лентяйки, которой она в настоящий момент и была, избалованная окружающим великолепием. «Но в той примитивной жизни я, по крайней мере, каждый день чувствовала бы себя живым человеком», — подумала она. Возможно, это была бы мучительная жизнь, но ведь Вивиан и сейчас мучилась — и, что обиднее всего, имея на то гораздо меньше оснований.

Но могла ли она все это бросить? Отказаться от положения в обществе, от возможности властвовать благодаря Эдварду… от ощущения всепоглощающей скуки и неудовлетворенности жизнью?

Вивиан сомневалась. Ее ум всегда направлен на то, чтобы покорить эту вершину. Спуститься с нее все равно что потерпеть поражение. И в придачу у Вивиан не было новой цели взамен той, которой она уже достигла.

Вздохнув, она вышла из ванной и на цыпочках прокралась через спальню, где под голубым одеялом все еще храпел Эдвард. Оказавшись в своей маленькой комнатке, Вивиан накинула легкий халат и уже собралась было потихоньку улизнуть и поискать в замке какой-нибудь уединенный уголок — возможно, с видом на вечно переменчивую городскую мозаику, — чтобы продолжить там размышления о своем удручающем положении… когда, разглядывая себя в маленьком настенном зеркале, спохватилась, что забыла надеть личину вечной молодости. Первое слово заклинания непроизвольно сорвалось с губ, когда она взялась за дверную ручку,

но Вивиан остановила себя. Она подумала: а не прогуляться ли ей такой, какая она есть на самом деле? Хоть какая-то попытка отказаться от своей презренной жизни. Пусть на нее не смотрят как на важную персону: только несколько слуг, а может, и вовсе без них.

Довольная собой, Вивиан шла по знакомым залам дворца Эдварда и упивалась ощущением свободы. Развеялась атмосфера иллюзий! Эти стены из натурального материала тоже были подлинными. Под ногами лежал холодный каменный пол. Вряд ли хоть один дворец в Константинополе мог похвастаться тем же: все они были фальшивками. Босые ноги Вивиан обычно ступали по обманчивым мягким коврам или по камням, всегда подогретым до нужной температуры. Но Эдвард в своем бахвальстве превзошел все волей магии воздвигнутые дворцы. Он прибегнул к чарам лишь для того, чтобы превратить обилие природных материалов в свое жилище. Остальные члены Тринадцати Семейств сочли эту затею Эдварда эксцентричной; им казалось странным его желание жить на земле, в то время как они сами строили свои дворцы плывущими в облаках…

Но гениальная простота этого сооружения, не говоря уже о невероятной магии, которая применялась при его строительстве, — воздействующей скорее на то, что ранее существовало, чем сотворяя из ничего все, что ни пожелаешь, — все это и привлекло Вивиан к Эдварду.

Она вглядывалась в простиравшийся под окном город, в скопление фантастических, неправдоподобных зданий, освещаемых золотым глобусом, что висел над Великим собранием. Она любила когда-то Эдварда, этого она не отрицала; но что-то произошло, и любовь исчезла, точно была одним из его фокусов. Хлоп — и нет ее. «Все равно что изо дня в день смотреть на этот сияющий золотой шар, — подумала Вивиан, — а он в один прекрасный день возьми да и исчезни».

И, будто безмолвно откликнувшись на ее мысли, золотой глобус именно это и сделал.

Вивиан поморгала, глядя во внезапно наступившую тьму и с благоговейным трепетом дивясь тому, что случилось. Не она ли стала причиной исчезновения глобуса? Как же все взбесятся! Глядя на погрузившийся в сумрак город, Вивиан ощутила мгновенный головокружительный восторг. Но откуда-то все же шел свет… Ах да, солнце. До чего же легко забыть, что оно все еще светит, когда его затмила более яркая магическая подделка! Она была создана давным-давно и держалась в воздухе коллективным подсознанием Константинополя. Вивиан испытывала благоговейный страх от сознания того, что в одиночку сумела нейтрализовать гигантскую силу воли, все эти годы удерживавшую золотой глобус на месте…

Внезапно, все так же пристально разглядывая погруженный в тусклый свет город, Вивиан поняла, что это была вовсе не ее заслуга. Фантастические, неправдоподобные здания, загромоздившие улицы, тоже куда-то делись. На их месте стояли убогие, полуразваленные строения из обыкновенного дерева и кирпича. Стоило ей увидеть этот съежившийся город, как парусник рухнул с неба и раскололся на куски.

Вивиан попыталась прибегнуть к заклинаниям, чтобы вернуть на место всю привычную иллюзорность, — к заклинаниям, которые настолько прочно въелись в память, что сохранялись там даже в бессознательном состоянии. Однако, подпитываясь их слабым светом, ее тело не станет моложе. Да и седина никуда не денется из волос.

Нет, вовсе не Вивиан погасила золотое светило. Скорее всего дело было в том, что магия во всем городе исчерпана!

Эта мысль доставила Вивиан огромное удовольствие. Она представила, как воздушные замки

Тринадцати Семейств срываются вниз в гигантской, гибельной катастрофе, подобно тому паруснику, что ей привиделся.

А Эдвард? Теперь он, как и все прочие, стал обычным смертным. Все его могучее колдовство исчезло, безвозвратно ушло. Вивиан не могло не интересовать, как он будет выглядеть в своем истинном обличье, без этих бесчисленных масок. Если под ними вообще было что-то материальное!..

Она поспешила по коридору назад, нащупывая руками стены, поскольку колдовской огонь, который прежде освещал их, теперь отсутствовал. Но спальню-то их в любом случае осветят большие окна, выходящие в сад!

Вивиан помедлила перед дверью, предвкушая удовольствие и оттягивая его. Ей так давно хотелось узнать, каков Эдвард на самом деле, что было бы непростительно испортить впечатление спешкой. Медленно поворачивая дверную ручку, Вивиан воображала, что он превратился в какого-нибудь дряхлого, слюнявого старикашку, точно так же, как все эти роскошные фантастические здания, оставшись без поддержки магии, оказались жалкими, неприглядными бараками. Насколько легче ей будет не любить его, зная его истинную отталкивающую внешность!

Вивиан думала, что готова ко всему, что бы ни оказалось там, за дверью, — к любому мерзкому, отвратительному облику Эдварда из тех, что она видела, ложась в его постель. Из тех, что были ей слишком хорошо знакомы, когда многие сотни раз ей приходилось заниматься с ним любовью. Она думала, что готова ко всему, но то, что она увидела, повергло ее в совершенное изумление.

Эдвард нисколько не изменился!

Простыни лишь слегка прикрывали его великолепно сложенное тело. Даже зубы у него были по-прежнему идеально ровные. Не удержавшись, Вивиан стянула с мужа покрывало и убедилась, что его «дар» не был иллюзорным, но вполне натуральным и несомненным признаком мужской природы.

И Вивиан вдруг поняла, отчего не заладились их отношения: Эдвард представлял собой просто красивую оболочку. Внутри у него ничего не было — ни глубины, ни души. Он отличался редким лоском, которым одарила его природа, превосходной внешностью, изысканными манерами — вот и все.

Она рассмеялась вслух — однако не слишком громко, чтобы не будить его. «Интересно, — подумала Вивиан, — что он почувствует, внезапно оказавшись беспомощным, когда всего несколько минут назад был самым могущественным человеком в городе». Она не сомневалась, что без колдовства это будет ни на что не годный калека, все равно что младенец в месячном возрасте.

Вивиан не знала, сколько времени она так простояла, глядя на него сверху вниз и жалея обоих — его и себя. Теперь, когда Константинополь рухнул, она принялась строить планы и благодарила судьбу за то, что Эдвард построил свой дворец надежнее остальных, воздвигнутых силой воображения. Последуй он общей моде — их, вероятно, убило бы, подобно другим членам Тринадцати Семейств. Хотелось бы Вивиан знать, многие ли из них уцелели. Она не могла сказать, что горюет об их воображаемой смерти. А материальный дворец Эдварда способен обеспечить ее жизнь где-то в другом месте. Хотя бы на первое время. Уходя, она возьмет с собой лишь некоторые пожитки да несколько небольших ценных вещиц — золотую

Topreading.ru

брошь, серебряную вазочку… Но даже мысль о нежданной бедности не страшила Вивиан. Ее переполняло волнение; она еще оставалась в этой комнате только ради удовольствия, которое получит, увидев лицо Эдварда, когда тот проснется и обнаружит свое бессилие.

Вивиан не знала, сколько времени она так простояла, глядя на него сверху вниз и жалея обоих — его и себя. Теперь, когда Константинополь рухнул, она принялась строить планы и благодарила судьбу за то, что Эдвард построил свой дворец надежнее остальных, воздвигнутых силой воображения. Последуй он общей моде — их, вероятно, убило бы, подобно другим членам Тринадцати Семейств. Хотелось бы Вивиан знать, многие ли из них уцелели. Она не могла сказать, что горюет об их воображаемой смерти. А материальный дворец Эдварда способен обеспечить ее жизнь где-то в другом месте. Хотя бы на первое время. Уходя, она возьмет с собой лишь некоторые пожитки да несколько небольших ценных вещиц — золотую брошь, серебряную вазочку… Но даже мысль о нежданной бедности не страшила Вивиан. Ее переполняло волнение; она еще оставалась в этой комнате только ради удовольствия, которое получит, увидев лицо Эдварда, когда тот проснется и обнаружит свое бессилие.

Но тут неожиданно комнату залило ярким светом. Глобус вернулся на прежнее место, как и весь город, возвращенный к недавнему фантастическому бахвальству. На глазах у Вивиан медленно поднимались в небо заново воздвигаемые дворцы, в то время как ее собственные планы и надежды рушились.

Проснувшийся за ее спиной Эдвард, еще сонный, потянулся к ней. И Вивиан вдруг обнаружила, что каким-то магическим образом оказалась в его постели и лежит рядом с ним, свернувшись калачиком под покрывалом.

— Мне приснился ужасный сон, — прошептал ей на ухо Эдвард, проводя рукой от верха ее спины к ягодицам. — Мне снилось, что магия исчезла. — Он засмеялся и принялся целовать ее в шею.

Магия возвратилась. Но, вглядываясь в Эдварда, обнимавшего ее своими сильными, властными руками, Вивиан понимала, что магия все же ушла.

Перевод Нины Киктенко

Topreading.ru